НЕ ПРИНЯТО ГОВОРИТЬ

Я ЗАВИДУЮ ТЕМ, КОГО ЛЮБЛЮ

Почему чужой успех причиняет боль

РОМАН САВИЩЕВ

Роман Савищев

Я завидую тем, кого люблю. Почему чужой успех причиняет боль

https://litres.ru/74716798
SelfPub; 2026

Аннотация

Ты искренне рад за близкого человека. И одновременно чувствуешь укол: почему у него получилось, а у тебя нет? От этого ещё стыднее — ведь завидуешь не чужому, а тому, кого любишь.

Я предлагаю посмотреть на зависть без нравоучений. Через тридцать разговоров о сравнении, дружбе и несбывшихся желаниях мы попробуем отличить чужой успех от собственных потребностей, заметить привычку вести бесконечный счёт и найти слова для чувства, которое обычно прячут. Здесь не обещают, что зависть исчезнет. Зато помогают перестать путать её с доказательством собственной неполноценности.

Структуру и формулировки книги я дополнительно прорабатывал с помощью интеллектуальных цифровых инструментов.

Содержание

Дисклеймер 4
От автора 5
Эссе 1. Первое признание 6
Эссе 2. Список имён 13
Эссе 3 · Чужая радость 22
Эссе 4 · Молчание дорого 31
Эссе 5 · Тот самый день 39
Эссе 6 · Что я говорю вместо 48
Эссе 7 · Восхищение или зависть 57
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Роман Савищев
Я завидую тем, кого люблю. Почему чужой успех причиняет боль

Дисклеймер

В книге обсуждаются зависть, самооценка, сравнение с другими и отношения с близкими. Текст предлагает материал для осмысления собственного опыта, но не заменяет психологическую или психотерапевтическую помощь и не гарантирует конкретных изменений эмоционального состояния. Упомянутые истории обезличены и составлены из нескольких ситуаций. Если переживания становятся устойчивыми, мучительными или серьёзно нарушают повседневную жизнь, уместна консультация квалифицированного специалиста.

От автора

Завидовать тому, кого любишь, — стыдно. Поэтому об этом молчат годами, а чувство тем временем решает за человека: куда он не пойдёт, что не попросит, от чего откажется, не понимая причины.

Эта книга — тридцать разговоров с мужчиной, который сначала говорит, что не завидует никому, а потом называет имена. Здесь нет советов «полюби себя» и нет обещаний, что чувство исчезнет. Есть работа: назвать, отделить факт от оценки, найти своё желание вместо чужого, сказать вслух хотя бы одному человеку.

Она для тех, кто узнал себя в первой фразе и хочет наконец понять, что с этим делать. Зависть не уходит. Она перестаёт быть тайной и перестаёт управлять. Это немного — и это всё, что удаётся.

Эссе 1. Первое признание

Истории обезличены и собраны из нескольких разговоров. Книга не заменяет консультацию специалиста.

Да ничему

Чему я завидую? Да ничему. Отвечает сразу, будто ждал вопроса, ровно и без паузы, и в этой ровности слышно, что ответ готов давно и повторялся много раз.

Прошу повторить и не спешить. Ну, бывает. Что бывает? Бывает, что смотрю на человека и думаю, отчего не так у меня. И добавляет: но это не зависть.

А что это? Думает: сравнение. Чем сравнение отличается от зависти? Сравнение никого не задевает. То есть он только что назвал чувство и сразу от него отказался. Я не отказываюсь, я уточняю. Прошу уточнить ещё раз — замолкает.

Ладно, я завидую. Говорит тише, чем всё предыдущее, и смотрит в сторону. Прошу повторить громче. Не могу. Что мешает? Слово. Что в нём такого? Оно говорит, что я хуже, и я не хочу это слышать.

Жене он пробовал объяснить. Она сказала, что это нормально, и он перестал. Почему перестал? Потому что нормальное не обсуждают. Что почувствовал от её слова? Пустоту: готовился к разговору, а получил разрешение, и разрешение закрыло тему быстрее, чем любое возражение.

Жалобой он это называть не хочет: жалоба просит помо-

щи, а это ни о чём не просит, и потому с этим нечего делать. Двадцать лет он молчал и работал больше. Помогло? Стало больше денег и меньше друзей, и он не уверен, что это обмен.

Про «больше денег и меньше друзей» он говорит, что связь заметил не сразу и не хочет её преувеличивать. Но замечает: те, с кем он перестал видеться, — это ровно те, чьё утро он не мог представить. Он говорит, что дело не в зависти, а в том, что рядом с ними приходилось быть человеком, который считает, а это утомляет, и он стал выбирать тех, рядом с кем считать не надо. И это оказались те, кому он не завидовал, то есть те, кто живёт заметно хуже или заметно иначе.

Ну, бывает

Что именно бывает? Смотрит на человека и считает. Что считает? Всё: сначала замечает вещь, потом квартиру, потом работу, потом жену, и дальше уже не останавливается.

Длится это секунды. Другие мысли проходят, а эта остаётся. Он думал, что так у всех, но ни разу не спрашивал — неудобно, человек решил бы, что он его не любит. Речь о двоих: вот этих двоих он и имеет в виду. Любит, и завидует, и не понимает, как это в одном месте.

Есть вещи, которые он замечает первыми: часы, обувь, машину. Общее у них одно — всё это можно посчитать. Вслух он не считает: считает глазами, и это быстрее, чем словами, и потому остановить труднее.

Замечает он это по рукам: когда считает, руки делают дви-

жение, как будто перекладывают. Раньше не замечал, пока не спросили. Дальше он говорит что-нибудь уместное — про погоду, про дорогу, про что угодно, кроме того, о чём думает.

Запрета ему не ставили, ему показывали лицом. Если он слишком долго смотрел на чужую вещь, мать замолкала, и молчание было понятнее любого запрета. Он до сих пор замолкает сам, когда хочет чего-то чужого, и никто ему для этого не нужен.

Почему не у меня

Вопрос целиком: почему у него, а не у меня. Ответить — не знает. Ещё раз — правда не знает. Задаёт его лет двадцать и не получил ни одного ответа, и всё равно спрашивает.

Это как проверять, заперта ли дверь. Заперта — но он проверяет. Вопрос без ответа — не вопрос, это способ себя держать: пока спрашиваешь, не расслабляешься, а расслабишься — окажется, что ты и так ничего не делаешь.

Откуда это, он знает: отец сравнивал его с сыном соседа, и не со зла, а чтобы он старался. Он старался, но не поэтому — потому что хотел, чтобы перестали сравнивать. Сравнивать не перестали, но он перестал слушать, и это оказалось почти тем же.

В доме не хвалили — хвалили с оговоркой, чтобы не зазнался. От похвалы оставалась половина, и он привык к половине. У друга хвалили без оговорки, и он приходил от него как из другой страны, и ему там нравилось больше.

Горе разрешено: на похоронах можно плакать, и никто не спросит зачем. Злость разрешена в узких рамках, но разрешена. Страх разрешён целиком, потому что он про опасность, а не про человека. А зависть говорит, что я хочу чужого, — и это единственное чувство, которое обвиняет того, кто его испытывает. Потому у неё и нет формы, в которой её можно предъявить.

Завидовать было стыдно

В семье завидовать было стыдно. Не запрещали — объясняли: завидовать значит признать, что у тебя хуже. А признавать это нельзя. Ему не говорили «не завидуй», говорили «не смотри в чужую тарелку». Он не смотрел. Завидовать не перестал — перестал показывать.

Родители, думает он, завидовали тоже. По паузам: когда речь заходила о чьём-то успехе, в доме появлялась пауза, и в ней было всё.

Боится он в этом слове одного: что оно окажется правдой. Что он действительно хуже — и не в одном, а во всём сразу.

Проверить это на любом человеке он не может: тогда пришлось бы сравнивать честно, а двадцать лет он сравнивал наспех и останавливался на первом пункте. Сравнивать себя целиком с чужим фасадом — он знает, что это фасад, и всё равно сравнивает.

Что было бы доказательством обратного? Не знает: доказательство пришлось бы принять, а он к этому не готов.

Запрет в обычной речи выглядит как замена слова: он ни-

когда не говорит «я хочу», он говорит «я бы не отказался». И в этом «не отказался» уже есть отказ, потому что он заранее согласен не получить. Ловит себя на этой фразе трижды в день и каждый раз не заканчивает.

Признать, что хуже

Завидовать значит признать, что ты хуже? А разве нет. Хуже в чём? Хуже вообще. По какому признаку? По всем сразу. Можно ли быть хуже по всем сразу? Получается, можно.

В чём он лучше, перечисляет неохотно: в одном, в другом. Сравнить с тем, в чём хуже, — список короче. Но он его не считает, потому что считать — значит оправдываться. Перед кем? Перед собой.

Двадцать лет он ведёт счёт, в котором ему нельзя выиграть, и не заканчивает его, потому что тогда придётся признать, что счёт был его.

Завидует он не тому, что у другого есть, а тому, что тот об этом не думает — о том, что у кого-то есть больше. Это состояние, а не вещь, и его нельзя купить: оно не продаётся, можно только перестать считать, а он не умеет.

Ему казалось, что если сказать, все увидят, что он считает чужое. Увидели? Вы не увидели, а вы первый.

Страшнее было не сказать, а услышать себя: пока говоришь, ты занят, а когда слышишь, деваться некуда.

Слово произнесено

Фразу целиком: я завидую, и это не про него. И останавливается. Что почувствовал? Ничего. Странно, что ничего:

ждал, что будет стыдно.

Прошла неделя. До этого он думал, что это слово нельзя произносить. Он всё равно его не произносит — при людях. Произнёс при мне, и это первый раз.

Изменилось ничего, но теперь он знает, что может. Это даёт выбор: бывает, что смотрит на кого-то и думает, почему не у меня, — и добавляет: и это тоже я.

Что будет делать дальше? Ничего: слово сказано, а дела пока нет, и он не хочет придумывать дело из слова.

Легче, он не ждёт, что станет. Ждёт, что перестанет удивляться, когда поймает себя на этом. Самым трудным была первая фраза: после неё уже нельзя сказать, что этого нет.

Двадцать лет он знал, что это есть. Теперь это знают двое, и это разные вещи. Легче не стало — стало точнее, а точное можно обсуждать.

Раньше он думал, что признание — финал. Сейчас — начало, и довольно скучное, потому что дальше идут имена.

Себя хуже он считать не стал. Стал считать себя человеком, который считает, и это отдельно от того, хуже он или лучше. Хорошее в этом одно: с этим можно что-то делать — хотя бы замечать, когда начинаю.

Он всё равно не уверен, что это зависть. Может быть, честность, которую он не хотел.

Думал, признание должно что-то изменить. Не изменилось ничего, и он перестал ждать. Теперь ждёт следующего раза, когда заметит, — и это уже другой разговор, потому

что тогда он будет знать слово.

С женой они об этом больше не говорили: она считает, что решила вопрос, и он не хочет её разубеждать. Разубедил бы — пришлось бы обсуждать, а обсуждать он пока не умеет, и признавать это неудобно.

Заметил он и другое: считает не людей, а места. Не «он лучше», а «у него в квартире лучше», и так можно перечислять бесконечно, потому что мест много. Список не кончается — значит, это не список, а способ смотреть.

Раньше он думал, что завидует удаче. Теперь — тому, что человек не проверяет, как у него дела. Сам он проверяет каждый день: всё, что можно сравнить с чужим. Это утомляет больше работы — как второй рабочий день, который никто не оплачивает.

Пробовал считать это нормой: убеждал себя, что все так живут, и это работало, пока он не встретил человека, который живёт иначе и не считает. В том человеке было спокойствие, которого он не смог объяснить ни деньгами, ни работой, и с тех пор нормой это называть не получается. Норма перестала помогать. Заменил он её вопросом, который пока не задаёт вслух.

Последняя фраза, которую он произносит сам, без просьбы: я завидую тем, кого люблю, и пока это всё, что я знаю.

Эссе 2. Список имён

Двое из ближних

Я прошу назвать имена. Он отвечает: да зачем. Я прошу просто перечислить, без объяснений, как список покупок. Он думает и говорит: два человека. Называет первое имя и останавливается. Я жду. Второго можно не называть, но список из одного имени — это не список, а случай, и он это понимает сам.

Второе имя он называет тише. Потом говорит: всё. Я спрашиваю про остальных, и он объясняет: есть люди, которым он завидует, но они далеко, и это не считается. Я спрашиваю, почему далеко не считается. Потому что их жизнь он не может представить своей. Это не оправдание и не оговорка, это точный критерий, и дальше весь разговор держится на нём.

Представить — значит вообразить, как встаёшь в их квартире и идёшь на их работу. Про первого он может. И это худшее, что есть в списке, потому что тогда видно, где именно он свернул не туда, и видно каждый раз, когда они встречаются. С дальними так не бывает: на них смотришь и забываешь. Этих он видит вживую.

Список он составил в двадцать восемь. Составил, чтобы понять, чему завидует, и думал, что после этого перестанет. Не перестал. Список стал короче, и он до сих пор не знает, что это значит: то ли работа сделана наполовину, то ли он

просто перестал считать тех, кто переехал слишком далеко.

С утром связано одно наблюдение, которое он делает мимоходом и которое объясняет больше, чем весь список. Вечер сравнивать нельзя: у всех вечеров примерно одна форма — ужин, экран, разговор ни о чём. Утро сравнивать можно, потому что утро у каждого своё и показывает, чем человек занят по своей воле. Поэтому завидуют не результату, а первым двум часам после подъёма, и поэтому человек, чьё утро не представить, выпадает из счёта целиком, сколько бы у него ни было.

Больше никому

Я прошу проверить список ещё раз, медленно. Он повторяет те же два имени и говорит: больше никому. Как он это понял? По реакции. Когда он слышит про чей-то успех, внутри либо щёлкает, либо нет. У этих двоих щёлкает. У остальных он успевает обрадоваться раньше, чем заметил, и это его успокаивает: значит, он не завидующий человек, а человек с двумя именами.

Я замечаю, что он только что придумал себе оправдание. Он не спорит: правда, но что с ней делать, он не знает. Я спрашиваю, что было бы, если бы имён было двадцать. Было бы хуже. Чем? Тогда пришлось бы признать, что это не случай, а способ жить.

Первое имя — тот, с кем он начинал вместе. Сидели за одним столом, через год тот ушёл, а он остался. Почему остался? Было удобно. Что именно удобно? Не надо было решать.

Вот и весь ответ, и в нём нет ни зависти, ни обиды, только признание, которое он делает без паузы, потому что думал об этом много раз.

Про список он рассказывает подробнее, чем я просил. Сел и написал двенадцать имён. Потом вычеркнул половину: там были люди, которых он не знает. Осталось пятеро, и он испугался, потому что все пятеро были не дальние. Список получился коротким и очень домашним, и это оказалось хуже длинного.

С оправданием вообще интересно устроено, и это не только его случай. Человек, который нашёл у себя чувство, первым делом сужает его до размера, при котором оно перестаёт быть диагнозом. Два имени вместо двадцати — уже не свойство, а обстоятельство. Оправдание тут не ложь: оно честное, проверенное и почти всегда точное. Оно просто маленькое, и в этом его работа.

Богатым и знаменитым

Он думал, что завидует богатым. Проверил: смотрит на них и ничего не чувствует. Я прошу назвать хоть одного богатого, которому он завидует, и он не называет ни одного. Их жизнь не похожа на его ни в одной точке. Он не знает, как у них утро, как они разговаривают с женой, куда ставят машину. Он знает результат, а результат не с чем сравнить.

С первым именем всё наоборот: про того он знает утро, потому что они вместе ездили на работу. От этого сдвигается всё. Чужой результат не сравнивают, потому что сравнивать

не с чем. Чужое утро сравнивают, потому что своё утро есть, и оно рядом, в той же комнате, в тот же час.

Поэтому знаменитые его не задевают. Задевают только тогда, когда он читает интервью и узнаёт в нём свою жизнь: те же сомнения, тот же возраст, та же развилка. Тогда человек из текста перестаёт быть далёким, у него появляется утро, и вместе с утром появляется сравнение.

Второе имя — тот, кто никогда не сомневался. В двадцать сказал, кем будет, и с тех пор не менял. Я спрашиваю, завидует он уверенности или результату. Уверенности. Результат он может объяснить: там были деньги, там связи, там удачное время. Уверенность объяснить нечем, её либо имеют, либо нет.

Чью жизнь можно представить

Признак, по которому человек попадает в список, он формулирует сам: я могу представить себя на его месте. Не помечтать, а именно представить, с деталями. Как встаю, что говорю утром, куда иду. И чем больше деталей, тем хуже, потому что детали делают жизнь возможной, а возможная жизнь — это упущенная.

Представить чужую жизнь без деталей можно, и это называется фантазией. Фантазия не болит. Болит только то, что могло быть. Я спрашиваю, действительно ли могло. Он говорит: не знаю, и это единственное, что он не проверял. Не проверял потому, что проверка покажет «не могло», и тогда придётся перестать жалеть.

Однажды он всё-таки попробовал представить подробно. Вышло, что половина дня ему не нравится: ранние подъёмы, чужие люди, разговоры, которых он не выносит. Остаётся зависть к половине, а зависть к половине — это уже не зависть, а выбор. Он говорит, что не хочет их жизнь целиком. Он хочет три вещи: свободу в расписании, право не отчитываться и ощущение, что он на своём месте. Взять три нельзя, они идут вместе с остальным.

Это «вместе с остальным» он произносит как формулу, и формула тут точная. Свободное расписание в его воображении существует без тревоги за завтрашний день, а тревога входит в комплект. Право не отчитываться существует вместе с одиночеством, которое он видел у одного из них и не хотел бы себе. Ощущение своего места — вообще не отдельная вещь, а следствие двух первых, и его нельзя купить, не купив их.

Отличает близкого от дальнего он по утру. Представляет утро человека и спрашивает, могло ли это утро быть его. Если могло — близкий. Богатый человек из новостей не близкий ни при каких условиях: его утро не представить даже в фантазии, там нет ни одной знакомой детали.

Дальние не считаются

Дальние не считаются, и он говорит это без всякой вины. Кем не считаются? Им. Кто дальний? Те, с кем он не разговаривает. Таких почти все. И это удобно: пока человек далеко, можно думать о нём что угодно, и никто не проверит. Он

думает, что у дальних всё хорошо. Откуда знает? Ниоткуда.

Расстояние защищает, и он этим пользуется сознательно. Не сближается. Вот здесь разговор впервые выходит за пределы чувства и попадает в территорию действия: список держится не на именах, а на том, что он не решил. Если бы решил, список стал бы короче или исчез, и тогда неясно, что делать с утрами.

Дальность вообще работает как обезболивающее, и работает безотказно, пока её не трогать. Человек, о котором ничего не известно, не может ни разочаровать, ни подтвердить, ни опровергнуть. Он существует в одном качестве — хорошем, потому что другого ему не приписали. Стоит подойти ближе, и появляются подробности: усталость, долги, скука в голосе. Зависть к такому человеку невозможна, зато возможна дружба, а дружба дороже и требует времени, которого на неё обычно нет.

Правила он вывел сам, и они похожи на правила человека, который устал себя обманывать. Никаких знаменитых. Только те, чьё жильё он видел изнутри. Только те, с кем разговаривал дольше десяти минут. После трёх правил от двенадцати имён осталось пять, и это честные пять. Список должен быть коротким, потому что длинный всегда враньё: он про человечество, а не про конкретного человека.

Общее у оставшихся

Общее у двух имён он находит быстро: оба старше. Они успели, а он ещё нет. Успели — значит, сделали то, что он со-

бирался. Один открыл своё, второй остался в большой компании и вырос. Пути противоположные, и он завидует обоим. Как можно завидовать противоположному? Легко, если не знаешь, чего хочешь: любой выбор другого кажется доказательством, что выбирать было можно.

Вот это и есть общее. Они выбрали, а он нет. Если бы выбрал, завидовал бы только одному, и это было бы честнее. Потому что они рядом, он видит их каждую неделю и не может сделать вид, что их нет.

Дальше он говорит вещь, которую я записываю отдельно. О них он говорит чаще, чем с ними видится: видится раз в месяц, а думает каждую неделю. Значит, завидует не человеку, а версии, которую держит в голове. Версия удобнее человека: она не отвечает и не разочаровывает. Проверять версию он не хочет, потому что боится, что человек окажется скучнее.

Я думаю, что оба они тоже кому-то завидуют. Он не проверял, но говорит, что так было бы легче: тогда это не про него одного, а про всех, и можно было бы обсудить. Обсуждать не принято, и не где-то в одном месте, а везде, где он бывает.

Список не полный, и он знает, чего в нём нет. Там только те, кого он видит. Есть ещё те, с кем он учился, и они считаются по другой причине: у них была одна стартовая линия. С ними он сравнивает не жизнь, а скорость, а скорость видна сразу. Когда он смотрит на их фотографии, чувствует при-

мерно то, что чувствуют на экзамене, который не сдавал.

Неделю он пробовал не считать. К пятому дню стало скучно, и он понял, что счёт — это развлечение: такое, после которого ничего не остаётся, но время прошло. Он не гордится этим и уже не стыдится так, как раньше. Раньше он считал и ненавидел себя за счёт. Теперь считает и замечает, и в этом вся разница.

Побочный эффект он обнаружил на встрече. Друг рассказывал про работу, а он смотрел на его часы и прикидывал, сколько тот получает, и не слышал половину. Стыд, который он почувствовал, когда это заметил, был первым стыдом по делу. С тех пор он старается смотреть в лицо, и это помогает не всегда: часы видно боковым зрением.

Последствия видны не в чувстве, а в расписании. Он стал реже звонить первому и почти перестал заходить без повода. Когда идёт, готовится: прикидывает, что расскажет, чтобы не выглядеть хуже. После разговора уходит с ощущением, что полтора часа держал спину. Друг этого не замечает, потому что снаружи всё прилично: разговор идёт, шутки шутятся, никто ни на что не жалуется. Так дружба и остывает — не из-за ссоры, а из-за того, что один из двоих начал приходить на встречу как на экзамен, и перестал задавать вопросы, потому что ответы на них слишком много сообщают о нём самом.

Прямо он спрашивал, и не раз. Сумму не назвал никто, и он перестал спрашивать. Думает, что все боятся этого вопроса, и по лицам это видно: пауза, такая же, как у него само-

го, когда спрашивают его. Пауза общая, и потому молчание держится не на запрете, а на взаимности. Что с этим делать, он не знает. Пока только замечает, и этого мало, но больше он не умеет.

Достаточно было бы, чтобы список стал списком, а не приговором. Приговор в том, что он не выбирал: имена выбрались сами, и он их не проверял. Проверить имя можно, если прожить с ним неделю и замечать, что делаешь, когда человек рядом. С первым он попробовал: оказалось, что рядом с ним он работает лучше. Это меняет многое, потому что зависть и пример — одно и то же чувство, только повёрнутое. Со вторым не вышло: рядом с ним он просто молчит, и это уже не пример, а укор.

Список, говорит он, не про них, а про него. Имена сообщают только одно: где он остановился. Остановился он перед выбором, стоит там давно и завидует тем, кто прошёл. И ещё одно, самое неудобное: он не хочет, чтобы список исчез. Пока он есть, понятно, чего хотеть. Без него будет пусто, и он не уверен, что сможет это заполнить.

Одному из них он сказал. Сказал, что завидует. Тот ответил, что тоже. Они замолчали, и дальше делать было нечего, и это оказалось легче, чем он думал. Легче всего было молчать вдвоём. А рядом с адресом всегда стоит то, что человек говорит вместо правды.

Эссе 3 · Чужая радость

Отличная новость

Я прошу его поздравить при мне. Он говорит: отличная новость, я очень рад. Говорит ровно, без паузы, и сразу переводит разговор на другое. Прошу повторить медленнее. Повторяет и на «очень рад» сбивается. Прошу сказать ещё раз. Ладно, я рад, но не очень.

«Не очень» значит: рад за него и не рад за себя, и это одновременно. Выглядит как две вещи в одной комнате. Сравнение, которое он подбирает сам, точнее: как держать два стакана и не расплескать.

Когда не расплескать не выходит, он говорит быстрее. Скорость даёт минуту: пока говоришь, не думаешь. Потом думаешь весь вечер. Он говорит, что замечает это по себе, а не по другим: когда ему рассказывают новость, он слушает первые две фразы, а потом думает, что сказать.

Придумывает поздравление. Короткое — чтобы успеть сказать его раньше, чем почувствует. В этом вся механика: не «что я чувствую», а «как успеть до того, как почувствую», и на это уходят секунды, которых потом не хватает на разговор.

Дальше разговор идёт своим ходом, и он в нём участвует, и снаружи всё прилично: он задаёт вопросы, кивает, даже улыбается в нужном месте. Он говорит, что это самая стран-

ная часть — снаружи ничего не видно. Человек уходит довольный, а он остаётся с чувством, что ничего не сказал, хотя говорил положенные слова.

Ровно и без паузы

Говорит он ровно, а ровно — значит без интонации, как объявление. Настоящая радость звучит неровно: в ней есть задержка, лишнее слово, вопрос не по делу. Ровная фраза этой неровности не имеет, и потому её слышно.

Заметил он это на чужом примере. Ему сказали «я так за тебя рад», и он услышал, что не рад. Услышал вежливость, а вежливость не задерживается: вежливый сразу переходит к делу. Настоящая радость задерживается — человек останавливается и что-то спрашивает.

Разницу между объявлением и радостью он показывает на бытовом сравнении. Объявление читают ровно, потому что его содержание не зависит от того, кто читает: расписание, оценка, погода. Радость зависит, и потому она всегда с огрехом — с паузой не там, с вопросом не в тему, с лишним словом. Огрех и есть доказательство: человек говорит не текст, а себя.

Спрашивает подробности: как, когда, что было до. И это единственный признак, которому можно верить, потому что подробности нельзя изобразить: их либо хочется знать, либо нет.

Он пробовал говорить правду. Сказал: я рад, но мне немного завидно. Человек засмеялся, и в смехе было облег-

чение: он чувствовал то же и не говорил. С тех пор они говорят друг другу правду — почти каждый раз, и это оказалось проще, чем он думал.

На «очень рад» сбивается

Сбивается он именно на «очень». «Очень» — усиление, а усиливать нечего. Без него фраза звучит так: я рад. И это правда, потому что он действительно рад, просто не целиком. «Очень» он добавляет, чтобы компенсировать то, чего нет.

Без усиления было бы короче и честнее, и человек бы это заметил. Люди слышат «очень» как тревогу: слишком сильное слово звучит как оправдание, и собеседник начинает думать, что ему что-то недоговаривают.

До двадцати он об этом не думал. Ему казалось, что завидовать — удел неудачников, а себя он к ним не относил. Изменилось всё после одного человека, который завидовал открыто: сказал «завидую тебе» и пошёл дальше. Интонация была обычная, и это поразило его больше слов.

Правильная фраза стоит дорого. После неё он пустой, как после разгрузки, и замечает это по мелочам: не может читать, не хочет есть. Чужая радость стоит ему вечера, своя не стоит ничего. Вот это неравенство он и называет ценой, хотя снаружи никто ничего не видит.

Научился в двадцать

Научился он в двадцать, и научил его случай. Друг получил работу, о которой они оба мечтали, а он промолчал. Друг

спросил, что с ним. Он сказал, что устал. Тот не поверил.

Дальше было хуже: друг перестал рассказывать новости, и он заметил это только через год. Облегчение от этого он помнит до сих пор и стыдится его: облегчение было потому, что стало меньше поводов врать. Тогда он не считал это потерей. Понял позже, что промолчать хуже, чем соврать, потому что молчание видно.

Год этот он вспоминает как тишину, в которой стало удобнее. Разговоры остались, но в них не было новостей: только погода, работа, общие знакомые. Он говорит, что тогда впервые почувствовал, что дружба может быть вежливой, и что вежливая дружба — это когда людям нечего друг другу рассказать, но они продолжают встречаться. Ему было спокойно, и спокойствие это длилось ровно до того дня, когда он понял, чего в нём нет.

После быстрой фразы остаётся осадок, как после проглоченного. Он проходит, но копится, и однажды накапливается. Один раз накопилось: он поздравил человека сквозь зубы, тот это услышал, и они не разговаривают третий год. Сказано не было ничего особенного, но тон был такой, что объяснять оказалось нечего.

Правильная фраза — короткая и гладкая: молодец, я рад за тебя, и ни одного лишнего слова. В этой гладкости нет его, потому что ему нечего добавить. А когда есть что добавить, он говорит сбивчиво, и это единственный признак, которому он верит.

Скорость вместо чувства

Скорость заменяет чувство. Пока он говорит быстро, он занят произнесением и не занят собой, и это длится секунды три. Потом разговор идёт дальше, и он уже слушает по-настоящему — то есть чувство осталось позади, в тех трёх секундах, и догонять его никто не собирается.

Работает почти всегда, кроме одного случая: когда новость слишком большая. Когда у человека то, чего он хотел больше всего. Тогда скорость не спасает, потому что лицо не успевает, а человек смотрит на лицо.

Лицо он описывает как отдельную проблему. Голос можно выровнять, слова подобрать, руки спрятать в карманы — лицо не слушается, потому что у него своя скорость. Первая реакция на чужую новость длится меньше секунды, и в неё попадает всё, чего он не хотел показывать: сжатые губы, взгляд в сторону, движение брови. Потом он берёт лицо под контроль, но те, кто смотрит, уже увидели первое, а не второе.

Медленно у него получается только с теми, кому он не завидует. С остальными он всё равно торопится, и это уже привычка, а не защита: защита включается по поводу, а привычка работает всегда.

Тренировать можно, и способ простой — считать до трёх. Три секунды нужны, чтобы чувство догнало. Он пробовал: получилось дважды, и оба раза человек сказал больше, чем собирался.

Когда медленнее

Иногда человек говорит медленнее, и это видно сразу. Медленнее он говорит, когда ему есть что сказать. Быстрая фраза закрывает тему, медленная открывает, потому что заканчивается вопросом. Вопрос тянет за собой подробности, подробности — разговор, и в разговоре чувство успевает догнать слова.

Обычно оно отстаёт: слово говорят сразу, а чувство приходит через минуту, и если тему закрыли, оно приходит в пустоту. Поэтому человеком, который радуется легко, он не стал. Стал человеком, который радуется медленнее, и этого оказалось достаточно. Другой получает не поздравление, а разговор; он получает подробности, из которых потом складывается своя жизнь.

Самое неприятное признание: он завидует именно радости. Не вещам, не должностям — тому, что человек умеет радоваться вслух. И ещё он завидует тем, у кого счёт не включается вовсе. Таких он видел двоих, и узнаются они по вопросам: слушают до конца.

Эти двое не делают ничего особенного, и в этом их отличие. Они не подбирают слов, не держат лицо и не считают паузу — они просто ждут, пока человек договорит, и вопрос задают не для того, чтобы перевести разговор, а потому что им интересно. Он говорит, что рядом с ними впервые почувствовал, что его радость кому-то не мешает, и это чувство оказалось настолько новым, что он сначала принял его

за равнодушие.

Он пробовал слушать до конца. Получилось один раз, и в тот раз он забыл, что завидует. Помог вопрос: а как ты к этому шёл. На такой вопрос нельзя ответить одной фразой, и пока человек отвечает, он успевает догнать. Вот и весь способ — задать вопрос, на который нет короткого ответа.

Он не уверен, что это честно: спрашивает не из интереса, а чтобы спастись. Но человеку всё равно достаётся разговор, а это лучше, чем ничего. Он думал, что дело в вежливости; оказалось, дело в скорости, а вежливость — только оформление.

Невежливая радость выглядит так: человек говорит «да ты что» и замолкает, и это лучше любой фразы. Он слышал такое дважды, оба раза от людей, которые ему ничего не должны, и оба раза чувствовал одно — что его видят. И это оказалось не страшно.

Он пробовал так: сказал «да ты что» и замолчал. Человек рассказал ему всё. Полчаса, и он не заметил — потому что перестал считать. Остановило его ничто: вопрос оказался интереснее. Повторить каждый раз он не умеет, и разница в том, о чём человек рассказывает. Легче о том, что он понимает, — где он сам был в этой точке.

С чужим успехом в чужой области он спокоен и даже спрашивает подробности, и они ему интересны. Значит, зависть узкая, и это хорошая новость. Узкая, но глубокая: в одной точке, зато до дна.

Точка эта — то, что он отложил. Своё дело. Отложил в тридцать и с тех пор завидует всем, кто начал. Не начал потому, что поздно. Кто сказал, что поздно? Никто, он сам. Это единственная фраза, которую он не проверял двадцать лет.

Начать он пробовал: купил тетрадь и написал план на год. План лежит, он перечитывает его раз в полгода и каждый раз что-то правит. Правки и есть работа: пока правишь, не начинаешь, но чувствуешь, что занят. Так прошло шесть лет, и всё это время он завидовал тем, кто просто начал, — они не ждали плана.

Без плана было бы хуже и быстрее, он это знает и знает, что это отговорка. Не начинает потому, что начатое можно оценить. Оценка будет низкой, и он потеряет последнее, что у него есть, — надежду. Пока не начато, он может быть кем угодно, в том числе человеком, который не завидует.

Он замечает, что говорит об этом в прошедшем времени: я собирался, я хотел. Это уже не планы, а воспоминания. В настоящем было бы «я делаю», и он не знает, как это звучит. Пробовал сказать вслух — вышло неправдой, и он это услышал. Чувство было такое, будто соврал в обе стороны: и тем, кто начал, и себе.

С тех пор он говорит «я собираюсь». Честно и невыносимо: он говорит это двадцать лет, и слово уже ничего не значит. Говорит всё равно, потому что альтернатива хуже — молчать совсем.

Радость за другого — навык, а не чувство. Чувство прихо-

дит само, навык надо повторять, и повторяет он плохо. Начинать он советует с трёх секунд: не отвечать сразу, подождать, пока почувствуешь, и только потом говорить. Три секунды кажутся вечностью, потому что человек ждёт, и в этой паузе видно всё, что ты о нём думаешь.

Паузу он проверял на жене. Она сказала, что он стал медленнее отвечать, и спросила, всё ли в порядке. Он сказал правду. Она сказала, что это давно было видно и что она рада, что он перестал успевать.

Эссе 4 · Молчание дорого

Ни от чего

От чего он отказался за год? Ни от чего. Отвечает быстро, как человек, который уверен. Прошу подумать. Думает: ну, не поехал на одну встречу. На какую? На встречу выпускников.

Почему не поехал? Было некогда. Что было вместо? Ничего, был дома. Ещё? Не пошёл на повышение. Как это выглядит? Мне предложили, а я сказал, что не готов.

Чего не готов? Не знает. Спрашивал ли себя? Нет. У каждого отказа нашлась причина, и все три звучат уважительно — так, что возразить нечего и переспросить неудобно.

Он знал, кто там будет. Откуда? Из общего чата, и список он прочитал дважды. Что почувствовал, читая? Сжатие. Где? Как перед экзаменом, только без экзамена.

Не поехал

На встрече были те, с кем он учился, и это важно по одной причине: у них была общая линия старта. Начинали в одно время, прошло двадцать лет, и итог видно сразу, без объяснений. Ему не хотелось видеть, как получилось у одного. У кого? Тот, у кого своё дело, дом и двое детей. Из этого он хотел бы дело. Детям не завидовал: дети у него есть.

Не поехал он, чтобы не считать. Толку не было: считал дома. Потом узнавал, как там дела, — у секретаря, осторожно,

чтобы не выглядело интересом. Она рассказала, что новый руководитель перестроил всё за месяц. Он почувствовал облегчение, и это было хуже всего: облегчение означало, что чужая удача неполная, и он обрадовался её неполноте.

Его позвали на открытие, и он не пошёл. Сказал, что занят, и это была правда, но не вся. Не хотел стоять в комнате, где все смотрят на человека, который добился. Вечер провёл дома, и он был длинный, и он помнит его до сих пор — длиннее, чем дни, когда что-то происходило.

День встречи он помнит по часам, и часы эти пустые. Он знал, во сколько начало, знал, кто придёт, и весь вечер делал вид, что не думает об этом. Смотрел что-то, потом перестал смотреть, потом проверил телефон, хотя никто не должен был звонить. К одиннадцати он понял, что вечер прошёл, и почувствовал не облегчение, а пустоту: событие, которого он избегал, состоялось без него и ничего не потеряло.

Не пошёл на повышение

Ему предложили руководить отделом. Позвали в кабинет и спросили, готов ли. Он сказал, что подумает. Думал неделю и придумал восемь причин, главная — что не справится. Проверял ли? Нет. Откуда взял? Из опыта.

Какой опыт? Он видел, как люди не справляются. Один был старше, потом место занял другой — тот, кто был младше его на пять лет. И справился. Он говорит об этом ровно, без горечи, но и без паузы, которая позволила бы сделать вид, что это неважно.

Он замечал за собой, что врёт быстро. Придумать причину — секунда, и он успевал раньше, чем человек спрашивал. Если бы не успевал, пришлось бы сказать правду, а правда длиннее. В этой арифметике весь механизм: ложь короче, и потому она приходит первой.

Восемь причин он помнит частично, и это тоже показатель. Что не справлюсь. Что не хочу менять график. Что в отделе тяжёлые люди. Что сейчас неподходящий момент. Каждая звучала разумно, и каждая рассыпалась, если представить её вслух: человек, которому её говорят, сразу услышал бы, что дело не в графике. Он говорит, что причина тем и удобна, что её не произносят: она нужна не для собеседника, а для себя, и для себя она работает.

Причина у каждого отказа

У каждого отказа была причина, и все разные: на встречу — занятость, на повышение — неготовность, ещё два отказа были про деньги. Общего у них одно, и он находит это сам: ни одна не была настоящей.

Как понял? По тому, что не помнит деталей. Настоящую причину он бы помнил, а эти забылись — он придумывал их на ходу. Зачем? Чтобы не объяснять настоящую.

Настоящая: он не хотел быть рядом, когда у них получается. Произнёс вслух только сейчас, и почувствовал, как будто поставил вещь на место. Вещь, которую двадцать лет держал в руках и не знал, куда деть.

Дальше он считает цену, и счёт получается неожиданный.

За год — семь отказов. Две пустые, пять могли что-то изменить. Ни одна из пяти не была отказом от удовольствия: все были отказом от шанса. Вот это и есть счёт, и он не в страдании, а в том, чего не случилось.

Первая честная причина

Это первая честная причина за год, и честна она тем, что про него, а не про обстоятельства. Одна причина объясняет все четыре отказа сразу, и это оказалось проще, чем четыре причины: четыре надо помнить, а одна работает сама.

Он думал, что избегает неприятного. На самом деле избегает сравнения, а неприятное — только слово. Неприятное проходит, а сравнение остаётся, потому что оно уже случилось, и отменить его нельзя. Пока он не поехал, у него была версия, что он не хуже. После встречи была бы не версия.

Версию он берёг, и она стоила дороже, чем стоило бы разочарование. Версия требует, чтобы её не проверяли: любая проверка заканчивает её и начинает другую жизнь, в которой надо что-то делать с результатом. Он говорит, что двадцать лет прожил с документом, который никто не спрашивал, но который он каждый день носил с собой.

Что было бы, если бы поехал? Точнее. Он пробовал считать по-честному: взял лист и написал, что могло быть, и на второй строке остановился. Дальше пошли догадки, а догадки считать нельзя.

Считать он научился иначе. Взял год и выписал отказы; напротив каждого поставил вопрос, было ли облегчение. Ес-

ли было — значит, отказ от чужого успеха. Если не было — отказ от своего. Получилось пять против двух, и это единственная арифметика, которая его убедила. Считать надо раз в год: чаще не видно, потому что отказы идут по одному.

Упущенное за год

Что он потерял? Ничего. Проверяю: встречу, повышение, два вечера. Повышение дало бы деньги и, наверное, другое отношение — к нему начали бы приходить с вопросами. Сколько это в деньгах? Он называет сумму: за год немного. А за десять лет? Считает и замолкает.

Сумма за десять лет оказывается такой, что он её не произносит. Говорит только, что дело не в ней: деньги можно добрать, а десять лет, проведённых в стороне от того места, где решается, не добрать. Он говорит, что в тридцать пять это казалось выбором темпа, а в сорок пять оказалось выбором стороны.

Дело не в деньгах. Дело в том, что год он не был там, где решается, и за это время его перестали считать. Упущенное не считается, потому что его не видно: потерянные деньги видны в выписке, а потерянные возможности не видны нигде.

Трусом он себя не считает, и различение у него точное: трус отказывается от страха, а он отказывается от сравнения. Страх можно пережить, а сравнение можно только проиграть или выиграть, и он не хотел играть. Не играть не вышло: он всё равно сравнивал, только без данных, и потому всегда

проигрывал. Данные дали бы точность — он бы знал, где он, и перестал додумывать.

Додумывание дороже правды. Правда заканчивается, а додумывание идёт годами и всегда в одну сторону — в сторону проигрыша, потому что воображение не умеет придумывать в свою пользу.

Есть и вторая цена, о которой он говорит спокойнее, чем о первой. Он перестал звать людей к себе: если сам не ходишь, звать неудобно, и это правило он придумал сам. За год — два гостя. Раньше было много, и он не заметил, когда перестало. Чувство от этого такое, будто он сам себя посадил под домашний арест и сам подписал постановление.

Самое странное — что ему это подходило. Дома никто не сравнивает, и это было единственное место без счёта. Плохо стало, когда дом перестал быть местом и стал укрытием. Понял он это, когда жена спросила, почему они никуда не ходят. Он сказал, что устают. Она не поверила, но не стала настаивать, и это оказалось хуже.

«Я не хотел видеть, как у него получилось, и потому не видел ничего». В этом «ничего» — год. Обычный, без событий, и он его почти не помнит. Помнит только те дни, когда что-то было: четыре за год, и все четыре провёл один.

Он думал, что отказ — разовое. Отказ — привычка, и складывается она из мелочей: не пошёл, не позвонил, не спросил. Мелочи не считаются, потому что каждая выглядит разумной. Неразумными их делает направление: все они ве-

дут от людей.

Проверял он это на себе. Неделю говорил «да» на всё, что предлагали, и к пятому дню устал так, будто работал без выходных. Понял: отказ экономил силы, и он это чувствовал, но не знал, от чего. Экономил он от присутствия. Присутствие требует, чтобы тебя видели, а он не хотел, чтобы видели.

Чего именно? Что он стоит на месте. Боялся он не провала, а того, что не будет ни провала, ни успеха, а будет ровно. В ровном нечего рассказать, и на встрече он молчал бы. А молчать среди тех, кто рассказывает, — это и есть роль, которую он не хотел: тот, кто не смог.

Он пробовал её примерить: представил, что сидит и слушает. Невыносимо, потому что все делали бы вид, что не замечают, и это было бы вежливо. Вежливость хуже вопроса: на вопрос можно ответить, а вежливость не оставляет места. Поэтому он и не поехал.

Стало ли легче? Стало тише, и он принял тишину за решение. Тишина держалась год.

Прервало её письмо от того самого человека. Письмо короткое: я женюсь, приезжай. Сначала радость, потом счёт: он посчитал, сколько стоит поездка, и это было первое, о чём он подумал. Тогда он и увидел цену — что считает деньги раньше, чем радуется.

Ответил «поздравляю» и не поехал. Через месяц тот позвонил, спросил, всё ли в порядке, и он сказал, что да. В го-

лосе было неверие, но допытываться тот не стал. И вот это добило: он перестал спрашивать — как когда-то, в двадцать, перестал спрашивать другой человек.

В тот вечер он посчитал, от чего отказался за год, и это был первый раз, когда счёт был не про деньги. Четыре отказа, и за каждым — человек, который перестал звать.

Дальше он собирается поехать. Когда — не знает, но теперь знает, чего это стоит. В мае он не поехал, в июне не было ничего, и это стало правилом: если не поехал один раз, второй раз проще. Правило работает тихо, никто его не замечает, потому что каждый отказ отдельный. Заметили через год, и заметила жена.

Она спросила, почему они никуда не ходят, и он не нашёл, что ответить, кроме правды, а правда была короткая.

Он думал, что цена — это упущенное. Цена ещё и в том, что он разучился ходить в гости: можно разучиться, если год не ходить, а потом нужен повод. И повод он тоже перестал находить — ждёт, чтобы позвали, а звать перестали.

Последняя потеря, которую он называет сам: он перестал рассказывать, как у него дела. Рассказывать нечего, а врать больше не хотел, и потому выбрал молчание. Трагедией он это не считает: трагедия видна, а это не видно, и потому он о ней не думал двадцать лет. Теперь посчитал и видит.

Эссе 5 · Тот самый день

Не помню

Когда это началось? Не помню. Отвечает быстро, и я прошу не спешить. Думает: наверное, в школе. Что было в школе? Оценки, и он не хотел быть вторым.

Завидовал ли он отличнику? Нет. Почему? Тот ему не нравился. Зависть не про тех, кто лучше: она про тех, на чьём месте ты мог бы быть, а отличник на его месте быть не мог.

«Не хотел быть вторым» в школе означало конкретную вещь: он смотрел не на оценку, а на строчку в списке. Четвёртое место его не расстраивало, второе бесило, и он долго не понимал почему. Теперь понимает: первое место было чужим, а второе — своим, но занятым, и это разные чувства. Завидовать второму месту нельзя, его можно только отобрать.

На чьём мог? Сосед. Чем сосед отличался? У него была своя комната. Что в этом особенного? У него не было, и двадцать лет он считал, что дело в комнате.

Пробовал вспомнить раньше? Нашёл один эпизод, лет в семь, и он не про квартиру. Про велосипед. У соседа был велосипед, и он считал дни до своего. Считал так старательно, что помнит до сих пор, хотя велосипед давно сломан и выброшен.

Мне было двадцать

Двадцать, второй курс, он ходил к одному человеку заниматься. Вошёл и сразу увидел книги: они стояли ровно и были прочитаны.

Вошёл и понял, что так бывает: человек живёт в комнате, которую сам собрал. Ощущение было не завистью, а другим — как будто ему показали, что он делает не то. Не «ты хуже», а «ты занят не своим», и разница между этими фразами огромная.

Тогда он решил, что ему нужна такая комната. Собрал — и ничего не изменилось. Комната была следствием, а он принял её за причину, и на это ушло несколько лет.

Потом он спросил, чем тот занимается. Тот сказал: перевожу. И сказал без извинения. Это оказалось важнее всего остального, потому что все остальные извинялись — и он тоже, — а этот не стал.

Квартиру он описывает подробнее, чем нужно, и понятно почему. Прихожая, длинная и светлая. Лампа на стене, которую он потом искал в магазинах и не нашёл. И запах, которого у него дома не было, потому что у них так не пахло. Он простоял там минуту и понял, что бывает иначе, и эта минута изменила больше, чем следующие десять лет.

Попал он туда случайно: нужно было взять конспекты, и человек сказал, чтобы он зашёл. Он говорит, что если бы не конспекты, он бы не увидел ничего — разговаривать они могли бы и в коридоре, и тогда вся жизнь пошла бы иначе, и он не знает, лучше это или хуже. Двадцать лет он думает

об этой случайности как о развилке, хотя в тот вечер ничего не решал.

Чужая квартира

После этого он бывал в разных квартирах и смотрел, как устроено. Искал признак — что человек на своём месте. Думал, это видно по вещам. Не видно: вещи обманывают, потому что их можно купить.

Не обманывает время: видно, сколько человек проводит дома и что он там делает. У того человека он застал его за работой, и это была не его работа, а его дело. За работу платят, дело выбирают, и по лицу видно, что выбрал.

Смотреть он научился быстро и стыдится этого до сих пор. В чужой квартире он замечал не обои и не мебель, а следы: открытую книгу, брошенную не на месте, инструмент на подоконнике, бумаги, которые не убирают, потому что вернутся. Он говорит, что по этим следам видно, живёт человек у себя или временно, и второе он узнавал мгновенно, потому что знал по себе.

Тогда он впервые увидел человека, который не соглашается. Тот отказался от предложения, и это было слышно в разговоре — по тому, как спокойно он сказал «нет» и не стал объяснять. Он говорит, что почувствовал, будто ему показали дверь, которую он не замечал, и дверь была открыта всё время.

Разница между нехваткой и открытием формулируется у него точно. Нехватка — когда нет, и это про количество. От-

крытие — когда есть, но не у тебя, и это про устройство мира. Пока человек живёт в нехватке, он может что-то добыть. Когда он увидел варианты, добывать бессмысленно: вариантов много, а жизнь одна. Поэтому зависть появляется не у бедных, а у тех, кто увидел.

Знаю, что бывает так

С того дня он знает, что бывает так. Раньше думал, что все живут примерно одинаково и разница только в деньгах. Теперь думает, что в деньгах тоже, но не только.

Разница в том, что одни выбирают, а другие соглашаются. Соглашаются — берут то, что предложили, и потом привыкают. Он во вторых, и почти всегда. Исключений два: женился и переехал. Оба решения он принял сам, и оба оказались лучшими, и он до сих пор не понимает, почему остальные не выбрал. Мешало ничто, кроме привычки соглашаться.

Разницу между этими двумя решениями и всеми остальными он описывает по ощущению, а не по результату. Оба раза было страшно и ясно одновременно: страшно, потому что назад нельзя, ясно, потому что вариантов не осталось. Обычные решения так не ощущаются — в них всегда есть половина выбора и половина согласия, и потом никогда не понятно, чьё это было решение.

Открытие он не считает хорошим. Оно было точным, а точность не всегда на пользу. После той прихожей он начал видеть варианты: чужие двери, чужие окна, чужие машины, и каждая была вариантом. Это ещё не зависть, это зрение.

Зависть приходит потом, когда зрение соединяется со счётом.

Зрение оказалось обузой, и он говорит об этом без жалобы, скорее как о погоде. Раньше он шёл по улице и видел улицу; теперь видит, у кого окна открыты днём, у кого на балконе ящики с рассадой, у кого ремонт третий год. Из этих мелочей складывается чужая жизнь, и складывается она быстрее, чем своя, потому что своя требует решений, а чужая только наблюдения.

Он перестал спрашивать людей об их жизни, потому что боялся услышать про комнату. Спрашивал про работу и про погоду, и оба вопроса ни к кому не ведут.

Открытие, а не нехватка

Зависть началась не с нехватки. До того дня ему не хватало, но он этого не знал, потому что не с чем было сравнить. Сравнение дало форму: пока нехватка без формы, она не болит, а когда он увидел комнату, у нехватки появился образ.

Не войди он тогда — был бы спокойнее и беднее. Не в деньгах, в знании о себе. Это знание нельзя вернуть, и он не хочет, хотя иногда думает, что без него было бы проще.

Есть до и после, и граница — тот вечер. До: жил в комнате, которую не выбирал, и не замечал. После: стал замечать всё. Замечать и не менять — отдельная работа, и он делает её двадцать лет.

Менял он дважды: переезжал и менял работу, и оба раза через год возвращался к тому же. Дело не в месте. Дело в

том, что он соглашается, а согласие не зависит от адреса.

Он потом много лет искал тот вечер в других: входил в квартиру и смотрел, есть ли то же самое. Нашёл дважды, но у тех двоих это было работой, а не жизнью. Тогда он понял, что ищет не комнату, а право не соглашаться.

«Похоже» он определяет точнее, чем можно ожидать. В обеих квартирах было то же самое ощущение на входе: что человек здесь не гость и не хозяин для других, а у себя. И в обеих через полчаса становилось видно, что это сделано для дела: стол, свет, порядок — всё подчинено работе, а жизнь пристроена с краю. У того, первого, было наоборот: работа была частью жизни, и потому её не было видно.

Снаружи это право выглядит как спокойствие, которое не объясняется ни деньгами, ни должностью. Он пробовал копировать спокойствие: говорил медленнее, не извинялся. Выглядело странно, потому что внутри было то же самое — счёт. Он всё равно считал, только теперь молча.

Спокойствие нельзя сыграть: оно берётся из решения, а решения у него не было, и выходила пародия. Решение простое и ежедневное: выбирать, а не соглашаться, и принимать его каждый день заново. Дороже, чем он думал, потому что выбор видно, а согласие нет.

Вот и настоящая причина, которую он называет без украшений: он держался за согласие, чтобы было на кого свалить. Если выбрал и не получилось — это его. Если согласился — виноват тот, кто предложил. Стыд, который он при этом

чувствует, он называет рабочим: рабочий стыд полезен, потому что указывает на место, где соврал, и после него можно что-то делать.

До и после

Сейчас он выбрал одно дело и держит его третий год — первое, что не бросил. Завидует меньше, но не потому, что стал лучше, а потому что появилось чем заняться: зависть требует свободного места, а места у него теперь нет.

Он думал, что дело в детстве, как говорят все, и он говорил, пока не посчитал. Счёт показал другое: детство дало привычку, день дал образ, а без образа привычка спала. Значит, таких дней было много — он просто не запоминал, потому что не с чем было сравнивать.

Запомнился этот потому, что был первый и потому что он тогда был готов. Готовность важнее дня: он как раз понял, что живёт не свою жизнь, но ещё не знал, как это назвать. Комната дала слово, которого не хватало. Слово было «своё».

Со словом он искал двадцать лет в вещах: покупал, и вещи были свои, а слово не приходило. Слово приходит от дел — он проверял три года, и пока приходит.

К тому человеку он чувствует благодарность. Пробовал найти: нашёл в сети, посмотрел на фотографию и не написал. Сказать было нечего, кроме «спасибо», а это странно через двадцать лет; и он боялся, что тот не помнит. Для того это был обычный вечер, для него — день, и это несимметрично.

Написал бы — ничего бы не случилось, он это знает и всё равно не написал.

Так и работает то, что он называет завистью: она держится на одном вечере, который помнит только он. Людей, у которых всё своё, он встретил троих. Общее у них одно: они не спрашивают разрешения. Решают и не оглядываются.

Троих он описывает по одному признаку, и признак этот не про уверенность. Они спокойно говорят «я не буду» и не добавляют причин: ни занятости, ни здоровья, ни обстоятельств. Отказ у них короткий, и после него разговор продолжается, как будто ничего не произошло. Он говорит, что именно это его и поразило: не смелость, а обыденность. Смелость он бы ещё понял — она требует усилия, а тут усилия не было видно вовсе.

Он пробовал не оглядываться: получилось на неделю, потом поймал себя на том, что ждёт оценки. Чьей — не знает, и это самое странное. Думает, что ждёт оценки от человека из той комнаты, хотя тот ему ничего не говорил и вряд ли помнит. Значит, двадцать лет он сдаёт экзамен человеку, который ушёл.

Экзамен не заканчивается, потому что оценки не будет, и он это знает, и всё равно сдаёт. Отпустил бы себя — потерял бы ориентир, и это честный ответ. О входе он не жалеет: без того вечера он до сих пор думал бы, что ему просто не хватает денег. Теперь думает, что не хватает решения, а деньги тут третье.

Человеку, который сейчас стоит в такой комнате, он сказал бы одну вещь: зависть — хорошая новость, если знать, чему завидовать. И добавил бы, что это не жалоба, а опись, а в описи нет виноватых. В описи один вечер, одна комната, одно слово и двадцать лет, потраченных на поиски не того. И цена: двадцать лет сравнения с человеком, который об этом не знает. Вернуть нельзя, но можно перестать платить.

Эссе 6 · Что я говорю вместо

Потому что у него больше

Закончите фразу: я завидую, потому что… Он отвечает сразу, будто фраза была готова: потому что у него больше. Прошу сказать без «больше». Потому что у него есть то, чего у меня нет. Это то же самое другими словами, и он соглашается: ну да, одно и то же.

Прошу сказать так, чтобы было не то же. Он молчит. Что чувствуете в этом молчании? Как будто меня поймали. На чём? На том, что я не знаю, чего хочу.

Точно не знает? Знает, но не в этом месте. В каком? Не знает, и это второй раз подряд. «Больше» — удобное слово: оно не требует называть, что именно, и потому подходит к любому случаю. Пока не названо, завидовать можно всему сразу, а это легче, чем завидовать одному.

Он замечает, что говорит это в разговорах о других, — почти каждый раз, когда кто-то рассказывает про покупку. Что говорит? «Ну, у тебя есть». Это значит «у меня нет», но звучит как шутка, и потому проходит.

Шутка тут не украшение, а пропуск. Он говорит это с улыбкой, и улыбка снимает с фразы вес: сказанное всерьёз требовало бы ответа, а сказанное вскользь не требует ничего. Он говорит, что научился этой интонации раньше, чем понял, зачем она: сначала просто заметил, что так проходит,

и стал повторять.

Без «больше»

Без «больше» фраза разваливается: я завидую, потому что… и дальше ничего. Пробует ещё раз: потому что у него получилось. Что получилось? Всё. Прошу назвать одно. Думает: дом.

Что в доме? То, что он его выбрал. Чем выбор отличается от получения? Получение можно объяснить, выбор нельзя. И он завидует выбору. Завидовал ли он кому-нибудь, кто выбрал плохо? Нет. Почему? Плохой выбор — тоже выбор, и он у него есть.

Вот теперь фраза собралась целиком: я завидую, потому что он выбрал дом, а я согласился на квартиру. Он произносит её ровно, без нажима, и в этой ровности слышно, что фраза давно была готова — просто её никто не договаривал до конца.

Про свою квартиру он говорит без раздражения, и это важнее, чем кажется. Квартира хорошая, и он её любит; дело не в стенах, а в том, что он не помнит момента, когда решил в ней жить. Ему предложили, он согласился, и дальше всё шло само: ремонт, мебель, район. Дом того человека он видел мельком, но помнит, что там был выбор — не обязательно лучший, просто свой.

Нехватка удобна тем, что она объективна: на неё можно показать пальцем, а на желание нельзя. Если бы он говорил о желании, пришлось бы признать, что он хочет, — а это обя-

зательство.

Последний раз это было в пятницу, в разговоре с женой. Она рассказала, что её коллеге дали премию, и он сказал, что устал. Усталым он не был: он был в другом месте. И она поверила, потому что он действительно выглядел уставшим. Самое неприятное в этом — правда о лице и ложь о причине.

Без «не хватает»

Прошу сказать без «не хватает». Потому что мне не досталось. Убрать и это — тогда нечего сказать. Почему? Потому что весь его счёт построен на нехватке.

Он всегда говорит, чего у него нет. Что есть? Есть много, но это не считается. Кто не считает? Он. По какому правилу? По правилу, что считается только то, чего не хватало.

Правило из детства. Дома хвалили за то, чего не было, а не за то, что было: молодец, что не связался с плохой компанией. То есть хвалили за отсутствие, а не за поступок, и ребёнок делает вывод, который потом не пересматривает: ценно то, чего не случилось.

Он говорит, что это правило работало безотказно, потому что его нельзя было нарушить. За поступок можно получить замечание — сделал не так, не вовремя, не то. За отсутствие замечания не бывает: не связался — и всё, претензий нет. Ребёнок быстро понимает, какая стратегия безопаснее, и выбирает ту, где его не ругают, а хвалят за пустое место.

Усталость в этом хозяйстве уважают, потому что на неё не спорят — её видно. Видно лицо. Он говорит, что у него,

наверное, такое лицо, что вопросов не задают, и говорит это без кокетства, скорее как о погоде.

Я устал

Обычно он говорит «я устал». Устал ли? Устал, но не так. Усталость проходит, а это не проходит — он проверял: взял отпуск на две недели, ничего не делал, и к концу первого дня всё вернулось.

Вернулся счёт. Считал он всё, что видел, и в отпуске считать было легче: вокруг люди без работы, и он видел, как они живут, — то есть ровно то, чего избегает дома. Понял тогда, что отдых ему не помогает, и это было хуже самой усталости.

Две недели он вспоминает как длинную паузу, в которой ничего не происходило. Он спал, гулял, читал и всё время чувствовал одно и то же: что он здесь временно и что вернётся. На третий день перестал ждать, что станет легче, и это оказалось единственным облегчением за отпуск — не отдых, а отказ от надежды на него.

«Всё равно» он говорит реже — когда человек хвастается. В этот момент чувствует злость, а говорит равнодушно, и это не совпадает. Собеседник слышит усталость и предлагает отдохнуть; разговор уходит в сторону, через минуту говорят про отпуск, и никто не замечает подмены, потому что подмена удобна обоим: ему не надо признаваться, а другому не надо думать, что с ним что-то не так.

Мне всё равно

Второе слово — «мне всё равно». Всё ли равно? Нет. От-

куда он это взял? По тому, что помнит их дела лучше своих. Если бы было всё равно, он бы не знал, у кого что.

Знает из разговоров, но запоминает только то, что задело, — и это единственный честный признак: память не врёт, а слова врут. Пробовал не закрывать: сказал правду, и человек замолчал, и это было хуже. В его молчании была неловкость, и её было больше, чем в своём.

Помнит он при этом вещи, которые сам считает мелочью: кто купил машину, кто переехал, кому повысили, у кого ребёнок пошёл в школу, которую он сам когда-то выбирал. Он говорит, что такая память похожа на картотеку, которую никто не просил вести, и что она работает без его участия: достаточно услышать, и карточка уже заполнена.

Проверку он сделал на себе и описывает её как бухгалтерскую. Взял три фразы, которые говорит чаще всего, — «я устал», «мне всё равно», «да ладно, бывает» — и напротив каждой написал, чего она не даёт сказать. У первой — «я хочу того же». У второй — «мне не всё равно». У третьей — «мне обидно». Все три закрывают одну и ту же дверь, только разными словами.

Закрывают тему

Два этих слова закрывают тему быстрее всего. После них человек перестаёт спрашивать. Чувство — облегчение, и длится оно минуту; потом он думает, что закрыл зря, потому что человек мог бы что-то сказать.

Что он хотел бы услышать? Что тот тоже так думает. Но

шанса он не даёт: пока он говорит «устал», собеседник отвечает про отдых, и разговор идёт по его сценарию.

«Устал» — правда, но не вся. Он действительно устаёт, но устаёт от конкретного, и конкретное не называет. Устаёт от того, что всё время помнит, у кого что есть. Это работа, и она идёт фоном — как держать спину, только для внимания. К вечеру он пустой, и не от дел. Если бы говорил правду, сказал бы: я устал считать. Звучит странно, и потому он так не говорит: считать не принято, а признаваться в этом нельзя.

Вот и весь круг: зависть нельзя произнести, и потому он произносит усталость. Польза в этом есть — вежливое объяснение, которое никого не пугает. Работает почти всегда, кроме одного человека.

Это жена. Она слышит «устал» и знает, что это не про работу, и он знает, что она знает. Тогда оба делают вид, и это уже не закрытая тема, а общая.

Если бы он сказал ей правду, она спросила бы, чему он завидует. Он бы ответил, и это было бы коротко. Коротко и невыносимо: после этого нельзя было бы делать вид, что всё ровно. Сейчас можно, и это единственное, что его держит.

Общая тема выглядит снаружи как забота. Она спрашивает, не устал ли он, он говорит, что есть немного, она предлагает лечь пораньше, он соглашается. Разговор короткий, тёплый и абсолютно пустой, и оба это знают. Он говорит, что хуже всего не ложь, а то, что ложь стала формой внимания: если он скажет правду, придётся придумывать новую форму,

а её у него нет.

Это не жалоба, а опись привычек, и в описи нет виноватых. Два слова, которые он говорит вместо одного, и цена, которую за них платит. Цена небольшая — если не считать двадцати лет.

Он пробовал заменить «устал» на «завидую». Сказал брату, и тот спросил, чему. Ответа не нашлось, и это оказалось полезнее, чем он думал: неделю потом думал, чему. Обнаружил, что завидует его свободе, и это было точно.

Со словом «свобода» он ничего не сделал, но оно перестало быть общим, и «устал» после этого стало реже — не потому, что он стал честнее, а потому, что появилось точное слово. Точное слово можно обсудить; «устал» нельзя.

«Устал» — состояние, а состояние требует сочувствия. Сочувствие он получает, и ничего не меняется. «Завидую свободе» — факт. Факт можно обсудить и решить, что делать. С состоянием он жалуется, с фактом думает, и жалости к себе становится меньше, и это приятно.

Он не думал, что слова так работают: считал их ярлыками для готового чувства, а они его формируют. Называют часть — остальное отступает. «Устал» называет всё сразу и потому не называет ничего.

Если бы все говорили точнее, было бы больше разговоров и меньше сочувствия. Сочувствия бы иногда не хватало: порой нужно именно оно, и тогда «устал» честнее. Разница в том, чего человек хочет: если хочет, чтобы пожалели, —

«устал»; если хочет понять — точнее.

Вместо зависти он говорит не только слова. Есть ещё «некогда»: оно объясняет отказ и не требует правды. Таких слов три — устал, некогда, всё равно. Роднит их одно: все три не про него и все три вежливые. На них нельзя обидеться, и потому их не проверяют. А если бы проверили — спросили бы второй раз, а второго раза он не выдерживает.

Однажды выдержал. Сестра спросила, он сказал правду, и она не удивилась: сказала, что знала и ждала, когда он скажет. Это было хуже неловкости, потому что выходило, что он молчал двадцать лет без причины.

Все эти слова — один и тот же отказ: отказ говорить о себе прямо. Прямо нельзя, потому что прямо — это про желание, а желание у него не оформлено. Пока не оформлено, он говорит «устал».

Оформленное было бы короче и страшнее: желание может оказаться маленьким, и тогда всё это было зря. Маленькое желание не оправдывает двадцати лет.

Пробовал оформить: написал «чего я хочу», получилось четыре строки, и все четыре про работу. Облегчение — четыре строки это уже не пустота; и страх — четыре строки можно начать выполнять, а выполнять он не умеет, и это следующая тема, не эта.

Открытием он это не называет: это список, а список можно перечитывать. Перечитывает и каждый раз находит ещё одно слово, которое говорит вместо. Последнее —

«нормально».

Эссе 7 · Восхищение или зависть

Чтобы у меня было так же

Прошу сказать про человека, которому он завидует: чего ты хочешь? Отвечает быстро, будто это правильный ответ: чтобы у меня было так же. Прошу сказать иначе — так, чтобы в фразе был он, а не я. Он не понимает. Повторяю. Он замолкает и говорит: чтобы у него не было.

Я не это хотел сказать. Не поправляйтесь. Ладно, это я и хотел.

Чем отличаются две фразы? В первой он хочет себе, во второй не хочет ему. Сила одинаковая? Нет, вторая сильнее. Почему? Потому что быстрее.

Что значит быстрее? Первая требует лет, вторая требует, чтобы у него сломалось. Первая звучит благородно: в ней есть восхищение, и потому её не стыдно произносить. Правда ли там восхищение? Иногда. А иногда это приличная обёртка для второй фразы, и обёртка держится так хорошо, что человек сам не различает, что под ней.

Теперь он слушает себя иначе: слышит не чувство, а слово. Если в мысли есть «у него» — значит, это уже не восхищение. Дальше он с собой не спорит и себя не стыдит: просто отмечает, что именно задело. Чаще задевает не вещь, а право, которого у него нет. И разговор с собой становится коротким, потому что предмет назван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.